

ВОСПОМИНАНІЯ
КАВКАЗСКАГО ОФИЦЕРА.

ВОСПОМИНАНІЯ

КАВКАЗСКАГО ОФИЦЕРА

1835 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.
(КАТКОВЪ и К°.)

1864.

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 25-го сентября 1861 года.

I.

При заключеніи Адрианопольскаго трактата, въ 1829 году, Порта отказалась въ пользу Россіи отъ всего восточнаго берега Чернаго моря и уступила ей черкесскія земли, лежащія между Кубанью и морскимъ берегомъ, вплоть до границы Абхазіи, отдѣлившейся отъ Турціи еще лѣтъ двадцать тому назадъ. Эта уступка имѣла значеніе на одной бумагѣ;—на дѣлѣ Россія могла завладѣть уступленнымъ ей пространствомъ не иначе какъ силой. Кавказскія племена, которыя султанъ считалъ своими подданными, никогда ему не повиновались. Они признавали его, какъ наслѣдника Магомета и падишаха всѣхъ мусульманъ, своимъ духовнымъ главою, но не платили податей и не ставили солдатъ. Турокъ, занимавшихъ нѣсколько крѣпостей на морскомъ берегу, горцы терпѣли у себя по праву единоуверія, но не допускали ихъ вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла и дрались съ ними или, лучше сказать, били ихъ безъ пощады при всякомъ подобномъ вмѣшательствѣ. Уступка, сдѣланная султаномъ, горцамъ

казалась совершенно непонятною. Не углубляясь въ изслѣдованіе политическихъ началъ, на которыхъ султаны основывалъ свои права, горцы говорили: „Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотимъ принадлежать. Султаны нами не владѣли и поэтому не могъ насъ уступить.“ Десять лѣтъ спустя, когда Черкесы уже имѣли случай коротко познакомиться съ русскою силой, они все-таки не измѣнили своихъ понятій. Генералъ Раевскій, командовавшій въ то время черноморскою береговою линіей, усиливаясь объяснить имъ право, по которому Россія требовала отъ нихъ повиновенія, сказалъ однажды шапсугскимъ старшинамъ, пріѣхавшимъ спросить его по какому поводу идетъ онъ на нихъ войной: „Султанъ отдалъ васъ въ пешъ-кешъ,—подарилъ васъ рускому царю.“ „А! теперь понимаю“, отвѣчалъ Шапсугъ, и показалъ ему птичку, сидѣвшую на ближнемъ деревѣ. „Генераль, дарю тебѣ эту птичку, возьми ее!“ Этимъ кончились переговоры. Очевидно было, что при такомъ стремленіи къ независимости одна сила могла переломить упорство Черкесовъ. Война сдѣлалась неизбѣжною. Оставалось только сообразить необходимыя для того средства и отыскать лучшій путь къ покоренію горцевъ, занимавшихъ новопріобрѣтенную часть Кавказа.

Для того чтобы получить понятіе о нашемъ положеніи на восточномъ берегу Чернаго моря, въ 1835 году, когда судьба забросила меня въ Абхазію, необходимо познакомиться съ обстоятельствами, сопровождавшими первое появленіе здѣсь русскихъ войскъ.

При Селимѣ II и Амуратѣ III, Турки подчинили себѣ Гурію, Имеретію, Мингрелію и Абхазію. Въ 1578 году они построили двѣ крѣпости на берегу моря, одну въ Поті, другую въ Сухумъ. Къ этому времени, кажется, можно отнести также постройку турецкой крѣпости у Натухайцевъ, на берегу Гелленджикской бухты. Въ 1771 году, Абхазцы возстали противъ Турокъ и принудили ихъ оставить Сухумъ. Во главѣ возстанія находились два брата, Леванъ и Зурабъ Шервашидзе. Поссорившись между собою, одинъ изъ нихъ, Леванъ, передалъ Сухумъ опять Туркамъ, которые держались въ немъ послѣ того не болѣе трехъ лѣтъ, утомленные непрерывными нападеніями Абхазцевъ. Тогда Келешъ-бей Шервашидзе

занявъ Сухумъ, силой подчинилъ себя Абхазцевъ и отдался подъ верховную власть султана, признававшего его за то владѣтелемъ Абхазіи и сухумскимъ наслѣдственнымъ пашой. Подчиненность Келешъ-бея турецкому правительству длилась также недолго. Давъ убѣжище Тегеръ-пашѣ трезизондскому, осужденному Портою на смерть, онъ навлекъ на себя ея негодование, и сталъ искать покровительства Россіи, принявшей въ то время подъ свою защиту Грузинское царство. Въ то же время онъ перешелъ какъ говорятъ, тайнымъ образомъ въ христіанскую вѣру. Турки, услыжавъ о перемѣнѣ вѣры и о сношеніяхъ Келешъ-бея съ Русскими, подкупили, его старшаго сына, Асланъ-бея, убить своего отца, которому онъ долженъ былъ наслѣдовать. Преступленіе совершилось въ Сухумѣ; но Асланъ-бей не воспользовался его плодами. Младшіе братья его, Сеферъ-бей, Босталъ-бей и Гассанъ-бей, осужденные на гибель подобно отцу, успѣли спастись и вооружили противъ него всю Абхазію. Асланъ-бей бѣжалъ въ Батумъ отъ народнаго мщенія, послѣ чего Сеферъ-бей явно принялъ христіанскую вѣру и въ 1808 году отдалъ Абхазію подъ покровительство Россіи, поставленной въ необходимость воспользоваться его предложеніемъ. Отъ занятія нашими войсками Абхазіи и отъ учрежденія въ ней нѣкотораго порядка зависѣло спокойствіе Мингреліи, признавшей надъ собою подобно Грузіи, власть Россіи. Кромѣ того Сухумъ, пользующійся единственнымъ удобнымъ рейдомъ на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря, отъ Батума до Гелленджика, обѣщалъ доставить намъ военныя и торговыя выгоды, которыми нельзя было пренебрегать, думая о будущасти вновь приобрѣтенныхъ закавказскихъ провинцій. По этому поводу и согласно съ желаніемъ самого владѣтеля, русскія войска вступили, въ 1810 году, въ Абхазію, вытѣснили Турокъ изъ Сухума и помѣстили въ немъ небольшой гарнизонъ. Это обстоятельство нисколько не измѣнило существовавшего въ Абхазіи порядка дѣлъ. Владѣтель попрежнему оставался полнымъ властелиномъ своего народа. Не думая о новыхъ завоеваніяхъ, русское правительство не увеличивало въ Абхазіи войскъ, продолжавшихъ занимать одну сухумскую крѣпость; не мѣшалось во внутреннее управленіе княжества, и заботилось только объ уничтоженіи вліянія Турокъ на народъ, обнаруживавшій склонность, по примѣру владѣтеля, возвратиться къ христіанской вѣрѣ, которую исповѣдывали его

предки. Турки, бѣжавшіе изъ Сухума, разсыпались между тѣмъ по всей Абхазіи и съ ожесточеніемъ возбуждали народъ противъ Русскихъ. Отцеубійца Асланъ-бей также не переставалъ разными происками набирать себѣ приверженцевъ въ Абхазіи, и число ихъ возрастало съ каждымъ днемъ. Первый порывъ негодованія противъ него прошелъ, а Турки твердили безпрестанно абхазскимъ магометанамъ, что Келешъ-бей, какъ отступникъ, заслужилъ смерть отъ руки сына, который въ этомъ случаѣ не совершилъ преступленія, будучи только слѣпымъ исполнителемъ воли Аллаха. Такое толкованіе поступка Асланъ-бея находило вѣру и одобреніе со стороны недовольныхъ въ Абхазіи, пользовавшихся его именемъ и его будто бы не угасшими правами на княжество, для того, чтобы производить безпорядки всякаго рода. При такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ двѣ русскія роты, находившіяся въ Сухумѣ, едва были достаточны для обороны крѣпости, и не могли думать о водвореніи порядка въ краѣ. Въ 1821 году, Сеферъ-бей умеръ, оставивъ наслѣдникомъ княжества своего старшаго сына Димитрія, воспитывавшагося въ Петербургѣ. Пользуясь его отсутствіемъ, Абхазцы, волнуемые Асланъ-беемъ, Турками и Гассанъ-беемъ, готовившимся съ своей стороны завладѣть княжествомъ въ ущербъ своего племянника, вооружились противъ Русскихъ, поддерживавшихъ право законнаго наслѣдника. Для усмиренія Абхазіи была назначена экспедиція, кончившаяся водвореніемъ Димитрія на княжескомъ престолѣ. Гассанъ-бей схватили и отправили въ Сибирь, гдѣ онъ прожилъ около пяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ ему было дозволено вернуться въ Абхазію. Въ 1824 году умеръ Димитрій, не оставивъ дѣтей. Возстаніе въ Абхазіи повторилось и вызвало новое вооруженное вмѣшательство со стороны Русскихъ, въ пользу Михаила, втораго сына покойнаго Сеферъ-бея.

Въ 1830 году, когда весь восточный берегъ Чернаго моря перешелъ во владѣніе Россіи, отрядъ изъ десяти ротъ 44-го егерскаго полка, восьми орудій и небольшой команды казаковъ прибылъ моремъ въ Абхазію и занялъ Бамборы, Пицунду и Гагры. Первые два пункта, находящіеся въ предѣлахъ Абхазіи, были заняты безъ выстрѣла, не взирая на стараніе абхазскихъ дворянъ возбудить народъ къ сопротивленію и, по

примѣру прежнихъ возстаній, призвать на помощь Убыховъ и Шапсуговъ.

Гагры, лежащія за Бзыбонъ, у подножія высокаго, скалистаго хребта, примыкающаго къ самому морю, достались намъ не безъ боя. Садзы, Убыхи и Шапсуги, собравшись въ значительныхъ силахъ, противились высадкѣ и послѣ того нѣсколько разъ пытались овладѣть новымъ укрѣпленіемъ открытою силою. Потерявъ много людей въ своихъ неудачныхъ нападеніяхъ, они перемѣнили образъ дѣйствій и принялись тревожить наши войска, не давая имъ отдыха ни днемъ ни ночью, нападая на небольшія команды, высылавшіяся за дровами и за фуражомъ, подстерегая съ высоты горъ людей выходившихъ за стѣны укрѣпленія, и посылая въ нихъ свои мѣткіе выстрѣлы. Существованіе гагринскаго гарнизона сдѣлалось положительно нестерпимымъ.

Годъ спустя, русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Берхмана, состоявшій изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, овладѣлъ Гелленджикомъ, не взирая на упорное сопротивление Натухайцевъ и Шапсуговъ. Недостатокъ лошадей, рабочего скота и преимущественно лѣса, который приходилось подвозить на судахъ изъ Керчи и Феодосіи, не помѣшало нашимъ войскамъ укрѣпиться и построить въ одно лѣто всѣ необходимыя помѣщенія. Пока производились работы и послѣ того въ теченіе цѣлой зимы непріятель не давалъ покоя нашимъ войскамъ.

До занятія Гагръ и Гелленджика мы не имѣли точнаго понятія объ ожидавшемъ насъ сопротивленіи, о дурномъ климатѣ и о другихъ затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бороться нашимъ войскамъ на черкесскомъ берегу. Опытъ, которымъ мы обогатились въ этихъ случаяхъ, заставилъ приостановить дальнѣйшія дѣйствія на берегу Чернаго моря, до того времени, когда окажется возможность приготовить всѣ средства, необходимыя къ отстраненію замѣченныхъ неудобствъ. Многочисленный и хорошо вооруженный непріятель, встрѣтившій наши войска съ отчаянною храбростью, требовалъ для отраженія его числительныхъ силъ, какими мы не могли располагать въ то время на Кавказѣ. Кази-Мегметъ, первый распространитель мюридизма между горцами, поднялъ противъ насъ Чечню и весь Дагестанъ, разграбилъ пограничные города, Кизляръ и Моздокъ, и въ послѣднее

время сталъ угрожать военно-грузинской дорогѣ, нашему ближайшему, если не единственному сообщенію съ закавказскими провинціями. Сперва надо было усмирить лѣвый флангъ кавказской линіи, куда и были направлены всѣ свободныя войска, а потомъ уже думать о новыхъ завоеваніяхъ.

Военныя дѣйствія тридцать втораго года въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ доставили намъ полный успѣхъ. Главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ, баронъ Розенъ, поднялся съ небольшимъ отрядомъ на гору Галгай, близъ военно-грузинской дороги, считавшуюся у горцевъ совершенно неприступною для нашихъ войскъ, и покорилъ снова кистинскія общества, увлеченныя Кази-Мегметомъ въ общее возстаніе. Послѣ того, наши войска, подъ личнымъ начальствомъ барона Розена и Вельяминова, прошли по всей Чечнѣ, разбивая непріятеля вездѣ, гдѣ онъ только показывался; проникнули черезъ Ичкеринскій лѣсъ въ Беной и Дарго, уничтожили эти два селенія, и позднѣю осенью спустились наконецъ въ глубокое ущелье рѣки Койсу, для того чтобы послѣднимъ, рѣшительнымъ ударомъ поразить возстаніе въ его корнѣ. Гимры, въ которыхъ Кази-Мегметъ родился и постоянно жилъ, были взяты приступомъ, и онъ самъ убитъ. Громкія удачи нашихъ войскъ и въ особенности смерть имама, главы мюридовъ, сильно поразившая умы горцевъ, понудили Чечню и Дагестанцевъ покориться безусловно русской волѣ. Лѣвый флангъ кавказской линіи казался усмирненнымъ на долгое время; послѣ этого можно было перевести снова военныя дѣйствія въ западную часть Кавказа, и заняться предпочтительно устройствомъ береговой линіи.

Полагая что горцы не въ силахъ долго обороняться собственными средствами, безъ помощи Турокъ, доставлявшихъ имъ товары, соль и разные военные припасы въ промѣнъ на женщинъ и на мальчиковъ, все наше вниманіе обратилось на прекращеніе турецкой торговли съ Черкесами. Для этой цѣли уже въ 1830 году, черкесскій берегъ былъ объявленъ въ блокадномъ положеніи, и для наблюденія за нимъ учреждено постоянное крейсерство. Не взирая на эту мѣру, турецкіе купцы продолжали сообщаться съ Черкесами. Наши крейсера весьма рѣдко успѣвали ихъ захватывать, такъ какъ наши парусныя килевыя суда (пароходовъ не существовало еще тогда въ черноморскомъ флотѣ) должны были держаться въ

въ некоторомъ отдаленіи отъ береговъ и въ случаѣ бури уходить въ открытое море, между тѣмъ какъ плоскодонныя турецкія чектермы плавали почти всегда подъ защитою берега и въ непогоду вытаскивались на него, или прятались въ устьяхъ безчисленныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Черное море. Малый успѣхъ морской блокады привелъ къ заключенію, что сообщеніе Турокъ съ черкесскимъ берегомъ прекратится только въ томъ случаѣ, когда всѣ пункты, которые они привыкли посѣщать, будутъ заняты русскими укрѣпленіями. Эта мысль, казавшаяся весьма основательною и удобоисполнимою на первый взглядъ, встрѣчала въ примѣненіи невыгоды и затрудненія, которыя могли оцѣнить вполне только люди, близко знакомые съ кавказскими обстоятельствами. Одно изъ главныхъ затрудненій для учрежденія береговой линіи заключалось тогда въ недостаткѣ точныхъ свѣдѣній о мѣстности, о количествѣ непріятеля и о средствахъ, которыми онъ располагалъ для своей обороны. Кроме того, было весьма желательно отстранить неудобства, обнаруженныя прежними десантными экспедиціями, ставившими сухопутныя войска въ совершенную зависимость отъ моря. Но для того чтобы рѣшить, дозволяютъ ли мѣстность и обстоятельства дѣйствовать предпочтительно сухимъ путемъ, слѣдовало опять-таки точнѣе изучить страну, въ которой мы предполагали утвердиться прочнымъ образомъ. Все это побудило Вельяминова противиться ускоренному занятію морскаго берега рядомъ укрѣпленій, не связанныхъ между собою и съ линіей хорошими и безопасными дорогами. По его мнѣнію, для основательнаго усмиренія горцевъ слѣдовало остерегаться болѣе всего опрометчивости, подвигаться въ горахъ шагъ за шагомъ, не оставляя за собою непокореннаго пространства и, заботиться о достиженіи положительныхъ результатовъ на будущее время, а не мгновенныхъ блестящихъ успѣховъ, которые уже не разъ влекли за собою цѣлый рядъ неожиданныхъ неудачъ.

Но въ 1834 году послѣдовало приказаніе немедленно положить первое начало устройству береговой линіи, открывъ военныя дѣйствія противъ Черкесовъ съ Кубани, и съ южной стороны горъ, изъ Абхазіи; а для пополненія свѣдѣній о берегѣ между Гаграми и Гелленджикомъ предписано было произвести усиленныя десантыя рекогносцировки.

Покоряясь высшей волѣ, Вельяминовъ двинулся весною тридцать четвертаго года за Кубань изъ Ольгинскаго редута съ цѣлю открыть сообщеніе съ Суджукскою бухтой. Постройка Абцннскаго укрѣпленія заняла все лѣто. Въ Абхазію былъ посланъ въ томъ же году подъ командою генералъ-майора Н. отрядъ состоявшій изъ нѣсколькихъ батальйоновъ, для разработки дорогъ и для постройки укрѣпленій необходимыхъ для защиты сообщенія. Въ теченіи лѣта Н. успѣлъ разработать дорогу не далѣе Драндскаго древняго монастыря, который онъ обратилъ въ укрѣпленіе, и построить небольшой редутъ въ Илори. Жители не обнаруживали никакого сопротивленія; за то нашъ отрядъ нашелъ столько препятствій собственно въ абхазской природѣ, что Н. не надѣялся продолжить дороги отъ Дранды до Бзыба прежде осени другаго года, считая притомъ совершенно невозможнымъ продолжать сухимъ путемъ движеніе за Гагры, по причинѣ скалъ, преграждавшихъ береговую дорогу около этого мѣста. Означенное препятствіе существовало во всей силѣ только для нашихъ войскъ, обязанныхъ возить за собою обозъ и артиллерію. Горцамъ оно не мѣшало проходить въ Абхазію разными другими горными путями, или проѣзжать въ хорошую погоду около скалъ, чему совершенно препятствовалъ прибой во время вѣтра со стороны моря. Это обстоятельство еще болѣе затрудняло вопросъ о пути, который слѣдовало избрать для устройства береговой линіи, и побудило военное министерство повторить требованіе относительно усиленныхъ рекогносцировокъ, произвести которыя давно уже было предписано.

Но какъ баронъ Розенъ, такъ и Вельяминовъ, въ одинаковой мѣрѣ желали избѣгнуть необходимости употребить въ дѣло этотъ способъ, который, по мнѣнію ихъ, не могъ принести ожидаемой отъ него пользы. Для производства десантныхъ рекогносцировокъ въ разныхъ пунктахъ, на протяженіи сорока географическихъ миль, совершенно намъ незнакомаго, гористаго берега, покрытаго сплошнымъ лѣсомъ, представлявшимъ для непріятеля отличную оборону, требовалось употребить нѣсколько тысячъ человѣкъ и около двадцати военныхъ и транспортныхъ судовъ. Жертвы людьми и деньгами, которыя правительство должно было понести въ этомъ случаѣ, далеко превышали выгоды, какія могли принести рекогносцировки. Мѣста пришлось

бы занимать наудачу, платя жизнью десятковъ солдатъ за каждый клочокъ земли, не превышающій пространства находящагося подъ огнемъ нашей артиллеріи. Самыя важныя свѣдѣнія о дорогахъ внутри горъ, о количествѣ народонаселенія, о его средствахъ къ жизни и къ войнѣ, оставались совершенно недоступными для войскъ. Всѣ потери и издержки, понесенныя во время рекогносцировокъ, должны были сверхъ того повториться еще разъ при окончательномъ занятіи пунктовъ, избранныхъ для постройки укрѣпленій. Кроме того, рекогносцировки, безъ сомнѣнія, привлекли бы вниманіе горцевъ на осмотренныя мѣста, и побудили бы усилить ихъ оборону искусственными средствами, сверхъ природныхъ препятствій, которыми такъ щедро надѣленъ черкесскій берегъ.

Оставалось одно средство замѣнить полезнымъ образомъ малообщавшія рекогносцировки: поручить достаточно свѣдущему офицеру осмотрѣть тайнымъ образомъ морской берегъ. Благодаря расположенію, памятнаго всѣмъ старымъ Кавказцамъ, генерала Вольховскаго, выборъ палъ на меня. На Кавказѣ я находился съ начала тридцать второго года, участвовавъ прежде того въ задунайской кампаніи противъ Турокъ, и въ польской войнѣ. Получивъ довольно значительную рану во время ичкеринской экспедиціи тридцать второго года, я былъ долго боленъ и черезъ годъ еще принужденъ былъ провести лѣто на кавказскихъ минеральныхъ водахъ для укрѣпленія моихъ силъ. Когда я вернулся въ Тифлисъ, Вольховскій встрѣтилъ меня съ предложеніемъ отказаться на долгое время отъ общества и отъ всѣхъ его удовольствій, преобразоваться съ виду въ Черкеса, поселиться въ горахъ и посвятить себя на сообщеніе свѣдѣній, добыть которыя предполагалось было такою дорогою цѣной: онъ не скрылъ отъ меня опасностей, съ которыми я долженъ былъ бороться; да и я самъ понималъ ихъ очень хорошо. Такъ какъ возлагаемое на меня дѣло выходило изъ круга обыкновенныхъ порученій, то нельзя было требовать отъ меня его исполненія служебнымъ порядкомъ, безъ моего добровольнаго согласія. Поэтому главнокомандующій поручилъ генералу Вольховскому убѣдить меня ѣхать въ горы, предоставивъ мнѣ самому назначить условія, на которыхъ я считалъ для себя выгоднымъ оказать требуемую отъ меня услугу. Готовый жерт-

зовать собою безусловно для государственной пользы, но отнюдь не располагая торговать своею жизнью и свободой, я отвергнул условия, которые могли касаться до моих личных выгод, и настоялъ только на доставленіи мнѣ всѣхъ тѣхъ преимуществъ, отъ которыхъ зависѣла, по моему убѣжденію, удача предпріятія. Баронъ Розень согласился предоставить мнѣ право: располагать свободно собою и своимъ временемъ, вступать въ сношенія съ покорными и непокорными горцами, не стѣняясь существующими правилами и, въ указанныхъ мнѣ границахъ, общать имъ награды, или прощенье за различныя преступленія, если кто изъ нихъ станетъ мнѣ помогать въ моихъ дѣлахъ. Обезпеченный такимъ образомъ противъ посторонняго вѣдѣтельства мѣстныхъ кавказскихъ властей, я принялся съ охотою и съ увѣренностью въ успѣхѣхъ за мое порученіе и въ тридцать пятомъ году сдѣлалъ два удачныя путешествія изъ Абхазіи на линію и обратно.

Не я первый изъ Русскихъ отправлялся въ горы. Въ 1830 году шапсугскій старшина Абатъ Беслиней провелъ съ опасностью жизни переодѣтаго артиллерійскаго капитана Новицкаго, по дорогѣ, которую Вельяминовъ разрабатывалъ послѣ того въ тридцать пятомъ году. Путешествіе ихъ длилось трое сутокъ, въ которые они проѣхали около семидесяти верстъ, пользуясь ночнымъ временемъ. Въ 1834 году, генеральнаго штаба капитанъ князь Шаховской перешелъ черезъ сѣвѣной хребетъ изъ Сванетіи въ Большую Кабарду. Путешествіе его было весьма любопытно, сопряжено съ большими трудностями среди дикой природы, но не представляло прямой опасности для жизни. Вновь покорившійся владѣтель Сванетіи къ которому онъ былъ отправленъ съ подарками, принялъ его у себя открыто, переправилъ его съ своими людьми черезъ горы, и сдалъ князьямъ покорной намъ Кабарды проводившими его далѣе на линію.

Путешествіе, которое мнѣ предстояло исполнить вдоль черкесскаго берега, предпринималось при совершенно иныхъ условіяхъ. Первое затрудненіе состояло въ отысканіи надежныхъ проводниковъ, способныхъ, по смѣлости и по своему положенію въ горахъ, взяться за подобное дѣло. Далѣе, я долженъ былъ проникнуть въ средину самаго густаго черкесскаго населенія встревоженнаго и раздраженнаго опасностью, угрожавшею ему съ двухъ сторонъ, вслѣд-

ствіе появленія нашихъ войскъ въ Абхазію и за Кубанью. Мнѣ предстояло осмотрѣть не одну какую-нибудь дорогу, а весьма значительное пространство въ горахъ, жить и путешествовать долгое время между непріятелемъ, котораго смѣтливая недовѣрчивость равнялась враждѣ къ намъ, и не измѣнить себѣ ни однимъ словомъ или движеніемъ, несвойственными горцу. Я не зналъ черкесскаго языка и умѣлъ только сказать нѣсколько словъ по-татарски. Послѣдній недостатокъ не долженъ былъ, впрочемъ, служить для меня столь непреодолимымъ препятствіемъ, какъ могутъ думать не знающіе Кавказа. Между горцами существуетъ такое множество различныхъ нарѣчій, что мнѣ всегда было возможно выдавать себя за человека принадлежащаго къ племени, котораго языка не понимали жители того мѣста, гдѣ я находился.

По этимъ причинамъ многіе на Кавказѣ, долѣ меня имѣвшіе случай ознакомиться съ горцами и вообще съ мѣстными обстоятельствами считали подобнаго рода путешествіе дѣломъ совершенно несбыточнымъ. Но чѣмъ болѣе представлялось препятствій и затрудненій, тѣмъ сильнѣе укоренялось во мнѣ желаніе исполнить путешествіе вопреки всѣмъ предсказаніямъ; я, впрочемъ, нисколько не скрывалъ отъ себя, что въ случаѣ неудачи мое положеніе въ горахъ дѣлалось дѣйствительно безвыходнымъ.

Для того чтобы скрыть настоящую цѣль моего отъѣзда въ Абхазію, откуда найдено было удобнымъ начать мои путешествія, я получилъ гласное назначеніе состоять при войскахъ абхазскаго дѣйствующаго отряда. Не теряя времени, я выѣхалъ изъ Тифлиса въ декабрѣ тридцать четвертаго года, хотя ненастное зимнее время обѣщало мнѣ самую трудную и непріятную дорогу.

II.

Не стану описывать подробно моего путешествія отъ Тифлиса до границъ Абхазіи; оно было весьма незанимательно. Зимнее время скрывало отъ меня живописную сторону богатой имеретинской и мингрельской природы. Плохія дороги, дурные ночлеги, холодъ, грязь и снѣгъ попеременно преслѣдовали меня отъ начала до конца путешествія. До Сура-